

Библиотека
журнала

АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

Неприкосновенный
запас

РЕВОЛЮЦИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: ЙОХЕН ХЕЛЛЬБЕК ДНЕВНИКИ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Йохен Хелльбек

Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи

**Серия «Библиотека журнала
«Неприкосновенный запас»»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64031386

*Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи: Новое
литературное обозрение; Москва; 2021
ISBN 9785444814512*

Аннотация

Представленный в книге взгляд на «советского человека» позволяет увидеть за этой, казалось бы, пустой идеологической формулой множество конкретных дискурсивных практик и биографических стратегий, с помощью которых советские люди пытались наделить свою жизнь смыслом, соответствующим историческим императивам сталинской эпохи. Непосредственным предметом исследования является жанр дневника, позволивший превратить идеологические критерии времени в фактор психологического строительства собственной личности. Герои книги – бежавшие в город крестьяне и представители городской интеллигенции, работавшие сельскими учителями, инженеры и писатели – использовали дневник

как способ самонаблюдения и самовоспитания, превращая существующие культурные образцы в горизонт внутреннего становления, делая историю частью своего Я.

Jochen Hellbeck

Revolution on My Mind. Writing a Diary Under Stalin

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ПРОЛОГ	16
ГЛАВА 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Йохен Хелльбек
Революция от первого
лица: дневники
Сталинской эпохи

Катиньке

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не появилась бы без поддержки многих лиц и институций, которым я глубоко признателен. Бен Эклоф пробудил во мне страстную любовь к русской истории. Увлечение миром крестьянства, возникшее во время его семинаров, привело меня в Народный архив в Москве, с которого началось изложение в настоящей книге. Я благодарен сотрудникам Народного архива, Государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Ленинской библиотеки, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива народного хозяйства, Фонда Солженицына, Бахрушинского музея и Государственного архива социально-политической истории за их знания и гостеприимство. Они оказывали мне помощь, когда я не мог разобраться в почерке авторов дневников или понять какие-либо их языковые обороты. Особенно я признателен Галине Поповой и Галине Акимовой из Народного архива, а также архивистам Государственного архива литературы и искусства за самоотверженную поддержку, которую они оказывали мне на протяжении многих лет. Спасибо авторам дневников сталинской эпохи Леониду Потемкину, Степану Подлубному, Татьяне Лещенко-Сухомлиной и Аркадию Манькову за их доверие и терпение в общении со мной. Наши беседы, посвященные их дневникам, были напряженными

и незабываемыми. Марина Гаврилова (урожденная Поддубная) и Александра Афиногенова сообщили мне ценную информацию о своих отцах, ведших дневники, и радушно приняли у себя дома. Вероника Гаррос, Наталья Кореневская и Томас Лахузен любезно познакомили меня с десятками дневников, обнаруженных ими в различных российских архивах. Я благодарен Олегу Горелову, Валентине Круглеевой, Лилии Рязановой, Семену Виленскому и Вячеславу Ульриху за то, что они указали мне, где можно ознакомиться с другими дневниками. Чрезвычайно важна во время пребывания в Москве была для меня помощь Альберта Ненарокова, Арсения Рогинского и Ларисы Захаровой. Благодаря Андрею Белизову каждый приезд в Москву стал казаться мне возвращением домой.

Леонид Хаимсон из Колумбийского университета научил меня непредубежденно относиться к действующим лицам истории. Он мгновенно определял историческое значение документов, которые я ему показывал, и с присущей ему остротой взгляда и отеческой заботой направлял мое исследование. Неизменные поддержка, критическое участие и поощрение Марка фон Хагена и Ричарда Уортмана были принципиально важны для написания и окончательного оформления книги. Стивен Коткин делился со мной своими принципиально важными догадками. Фрэнсис Бернстайн, Фредерик Корни, Эндрю Дэй, Анна Фишзон, Игал Халфин, Питер Холквист, Надежда Кизенко, Натэниел Найт, Яннис Коцо-

нис, Лори Манчестер, Кеннет Пинноу, Чарлз Штайнведель и Амир Вайнер, создав вокруг себя атмосферу исключительного товарищества, оказали серьезное влияние на образ моих мыслей. Игал Халфин, Питер Холквист и Ян Плампер указали мне дорогу, полную поразительных открытий в окружающем мире и в самом себе. Многие мысли, высказанные в настоящей книге, подсказаны дискуссиями с ними в Гарримановском институте, в индийском ресторанчике за углом и в других местах. Я ценю их дружбу. Другие мои друзья и коллеги читали рукопись, по частям или целиком, и охотно делились критическими замечаниями по поводу прочитанного. Я благодарен Ирине Паперно, Биллу Розенбергу, Лоре Энгелстайн, Борису Гаспарову, Эрику Найману, Борису Вольфсону, Габору Риттершпорну, Сюзанне Шаттенберг и Штефану Плаггенборгу за подробные и полезные замечания. Дискуссии с Йоргом Баберовским, Ивом Коэном, Майклом Дэвид-Фоксом, Мальте Рольфом, Карлом Шлёгелем, Штефаном Трёбстом и Альбрехтом Визенером помогли мне найти место моего исследования в более широких контекстах. Книга была завершена в Ратгерском университете, сотрудники которого вдохновляли меня широтой и глубиной их исторического воображения. Я особенно благодарен Белинде Дэвис, Зиве Галили, Полу Ханебринку, Кэтрин Хоуи, Джексону Лирсу, Филлису Маку и Бонни Смит. Кроме того, я благодарен участникам различных конференций в Соединенных Штатах, Европе и России, на которых мне

довелось представлять результаты своих исследований. Мне повезло, что главным редактором книги в издательстве Гарвардского университета была Джойс Зельцер. Джойс поверила в мой замысел с того дня, когда она о нем впервые услышала, и ее постоянные советы значительно улучшили книгу. Редактируя рукопись после ее представления в издательство, Камилла Смит внесла важные сокращения, которые улучшили ее структуру. Особая благодарность – Альфонсо Рутильяно, который помог мне придумать название книги.

Проведение исследования и написание книги стали возможны благодаря Фонду исследований немецкого народа (Studienstiftung des Deutschen Volkes), Колумбийскому университету, Обществу сотрудников Мичиганского университета (Michigan Society of Fellows), Фонду Фрица Тиссена, Ратгерскому центру исторического анализа и Центру исследований новейшей истории в Потсдаме. Отдельные части данной книги публиковались в других местах и использованы здесь с разрешения издателей: части глав 3, 5 и 7 были опубликованы соответственно в: Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 340—359; Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi (1931—1939) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. № 3. S. 344—373; Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Engelstein L., Sandler S. (eds.) Self and Story in Russian History. Cornell University Press, 2000.

Я глубоко признателен своим родителям. Без их постоянной поддержки и поощрения я просто не состоялся бы, в том числе и как ученый. А Катинька наполняет мою жизнь радостью. С любовью посвящаю ей эту книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я впервые погрузился во внутренний мир сталинской России жарким августовским днем 1990 года. В тот момент перестройка достигла поворотного пункта, когда либеральные реформы Горбачева начали разрушать советский строй. Для историков перестройка означала архивную революцию: рассекречивание архивов Коммунистической партии будет продолжаться на протяжении большей части 1990-х годов, подталкивая к новым интерпретациям советского прошлого. Я провел несколько недель в московских библиотеках, собирая материал для исследовательского проекта о судьбе российских крестьян при Сталине. Мое пребывание в советской столице подходило к концу – через несколько дней мне предстояло возвратиться в Нью-Йорк. Побывав утром в бане, посетить которую для борьбы с жарой посоветовал мне один из русских друзей, я в неопределенно энергичном настроении шел по центральным московским улицам. Мое внимание привлекла вывеска на одном из зданий: «Народный архив». После недолгого колебания я вошел внутрь.

Сначала мне показалось, что я ошибся дверью, поскольку перед моим взором предстал небольшой магазинчик, заваленный дешевыми транзисторными приемниками и бобинами пленки с записями поп-музыки. Но когда я спросил об архиве, владелец магазинчика направил меня в подсоб-

ное помещение окнами во двор. Как и в большинстве архивов, здесь было холодно и темно, поскольку зарешеченные окошки давали лишь скудное освещение. На металлических полках рядами стояли большие серые ящики. Наскоро обустроенная читальня с поломанной мебелью свидетельствовала о том, что архив держится скорее на энтузиазме, чем на щедром финансировании. Оказалось, что директор отсутствует; а его молодые помощники возбужденно рассказали мне о своем увлечении сбором и сохранением свидетельств простых граждан, которые, как они считали, могли поколебать авторитарное советское государство и его господство над личной и коллективной памятью.

Достаточно скоро наша беседа коснулась правления Сталина. Когда я стал рассказывать о своем исследовании, один из архивистов снял с полки ящик, наполненный пожелтевшими, запыленными тетрадями. Я раскрыл тетрадь, лежавшую сверху, и прочел название: «Дневник по Работе Бригады им. 9-го Съезда В.Л.К.С.М. и Ежедневные записи Бригадир и ученика Ф.З.У. Ст.[епана] Фил.[ипповича] Подлубного». Я продолжил чтение и вскоре увлекся историей молодого человека, которого преследовала советская власть из-за того, что его отец был «классовым врагом». Сбежав из деревни и приехав в Москву, Подлубный сумел скрыть свое происхождение и стал образцовым рабочим и коммунистом. Дневник раскрывал двойную жизнь, полную противоречий и опасностей, но главным образом свидетельствовал о по-

пытках Подлубного переделать себя: казалось, он стремился действительно стать тем человеком, за которого себя выдавал.

Через несколько часов, изумленный, я покинул архив и вернулся в музыкальный магазин, переполненный покупателями, жаждавшими товаров и переживаний, долгое время недоступных при советской власти. Казалось, всем им нет дела до исторических документов, хранящихся в соседнем помещении. Навязчивый ритм западной попсы, наполнявший магазин, преследовал меня в дверях, вырывался на улицу и устремлялся к расположенному неподалеку Кремлю.

Мне открылся совершенно иной подход к сталинскому времени, и хотя тем летом я не мог дольше оставаться в Москве, в последующие годы я приезжал сюда снова. Сначала я считал, что дневник Подлубного – исключительное явление. Но в каждый следующий приезд я обнаруживал все больше и больше дневников, которые вели мужчины и женщины, старые и молодые, богатые и бедные, деятели искусства и ученые, студенты и домохозяйки. Некоторые из дневников были обнаружены мною в архивах Москвы и Московской области. Другие поступали из частных источников – от самих авторов дневников или их потомков. Некоторые из авторов дневников приглашали меня к себе домой обсудить свои жизнеописания. Хотя архив КГБ, в котором хранится самое большое собрание дневников советской эпохи, оставался для меня закрыт, я смог прочесть опубликованные

версии этих дневников, а также многие другие напечатанные дневники, письма и воспоминания того периода.

Некоторые дневники можно было прочесть за полдня; объем других составлял тысячи страниц. Некоторые были скучны и неэмоциональны, другие – полны душераздирающих и ошеломляющих признаний. И хотя некоторые авторы дневников не анализировали свой внутренний мир, другие, читаемые мной со все нарастающим интересом, спрашивали себя: «кто я» и «как я могу себя изменить». Эти интроспективные и самоанализирующие голоса находятся в центре настоящей книги, в которой я исследую, что означало написать слово *Я* в эпоху большого *Мы*.

Многие ученые объясняли, как функционируют тоталитарные режимы, опираясь на общественно-политические теории. Я избрал другой подход. Действующие лица, проходящие по страницам этой книги, писали богатым и нередко поразительным языком; многие их открытия поверхностны, но другие заслуживают пристального внимания. Восстанавливая их надежды, проблемы и выбор, я раз за разом обнаруживал ошеломительную глубину личной вовлеченности этих людей в события революционной эпохи. Они не говорили от имени всего советского общества, но присущий им индивидуализированный язык помогает объяснить, какой была жизнь в сталинскую эпоху. Их голоса звучат с утопической страстью, они позволяют нам погрузиться в увлекательное и тревожное время, когда многие простые люди чувствовали

необходимость вписать свою жизнь в революцию и во всемирную историю.

ПРОЛОГ ФОРМОВКА РЕВОЛЮЦИОННОГО Я

Рано утром 8 июля 1937 года НКВД арестовал Осипа Пятницкого. Один из самых высокопоставленных государственных партийных деятелей сталинской России был обвинен в том, что замышлял террористические акты против советского государства. Десять дней спустя его жена начала вести дневник. С трогательными подробностями в дневнике Юлии Пятницкой описываются обстоятельства ареста ее мужа, невзгоды и горести, обрушившиеся на нее, человека, прежде входившего в советскую элиту. Соседи и бывшие друзья стали избегать ее как жену «врага народа»; она потеряла должность инженера, и ее – вместе с двумя маленькими детьми – оставили на произвол судьбы без каких-либо источников дохода и средств к существованию. Отчаявшаяся женщина непрестанно думала о муже, и в конце концов этот вопрос поглотил все ее внимание. «Кто же он?» – спрашивала она в дневнике. Был ли действительно Пятницкий преданным коммунистом, как он утверждал? Сначала она склонялась к тому, чтобы доверять ему: в конце концов, они были женаты 17 лет. Но это бы означало, что ошибается партия. Такие рассуждения Пятницкая обрывала на полуслове:

«Очевидно, я не так думаю. Очевидно, Пятница никогда не был профессиональным революционером, а был профессиональным мерзавцем – шпионом или провокатором... И потому так жил он, и был таким замкнутым и суровым. Очевидно, на душе было темно, пути иного не было, как ждать, когда его раскроют или когда он сумеет удрать от кары»¹.

Пятницкий был псевдонимом Осипа. Урожденный Таршис, он принял его после вступления в большевистское движение. Этот псевдоним, происходящий от слова «пятница», дали Осипу товарищи, уподоблявшие его приверженность революционному движению преданности Пятницы своему господину, Робинзону Крузо. Но, несмотря на это, Юлия после ареста Осипа не могла со всей определенностью сказать, кем был ее супруг. Она хотела верить утверждениям Пятницкого, что его большевистская совесть «перед партией так же чиста, как только что выпавший в поле снег», но сами такие мысли она описывала как «черные» и «преступные». Логика подобных мыслей, противоречивших официальным обвинениям, вела ее к вопросу о том, в каком направлении движется страна. В конечном счете она подрывала ее идентичность советского гражданина и члена боевого товарищества коммунистов. Эта идентичность, основанная на приверженности коллективному строительству светлого будущего, была для Юлии сутью жизни.

¹ *Пятницкий В.И. (ред.).* Голгофа: по материалам архивно-следственного дела на Соколову-Пятницкую Ю.И. СПб., 1993. С. 41 (15.02.1938).

Страницы дневника Пятницкой иллюстрируют борьбу между ее взглядами и сознательными усилиями, которые она прилагала к восстановлению своего мировоззрения преданной партии коммунистки. Дневник служил орудием, при помощи которого она могла освободиться от ядовитых мыслей и тем самым вновь обрести уверенный, целостный голос убежденного революционера. Ее задача состояла в том, чтобы «доказать, не для других, а для себя... что ты выше, чем жена, и выше, чем мать. Ты докажешь этим, что ты гражданка Великого Советского Союза. А если нет сил, убирайся ко всем чертям»².

Такие личные документы, как дневник Юлии Пятницкой, лишь недавно ставшие доступными исследователям, заставляют подвергнуть сомнению представление о тоталитарных обществах и, в частности, о сталинском режиме, выступающем в качестве образцового примера тоталитаризма. Затрагивая проблему самовыражения в сталинской России, мы обычно думаем, что государство лишало своих граждан возможности высказывания собственного мнения и что истинные мысли и искренние стремления людей выражались только в частной сфере, защищенной от навязчивого вмешательства государства. Мы думаем, что личностное ядро советских граждан было качественно иным, нежели способ их «официальной» саморепрезентации. Мы рассматриваем

² Пятницкий В.И. (ред.). Голгофа. С. 76, 79, 100 (26.03.1938; 09.04.1938; 27.05.1938).

этих людей в соответствии с либеральной концепцией субъекта – как личностей, стремящихся к автономии и дорожающих своей частной жизнью как сферой свободного самоопределения. С этой точки зрения советские граждане наверняка должны были противостоять государству, полному решимости уничтожить их независимость и приватность³.

В своей идеальной форме дневник представляется намместилищем частных убеждений, выраженных стихийно и непринужденно. С учетом вездесущности государственных репрессий в тоталитарных системах лишь исключительные личности, побуждаемые совестью или заботой о потомках, рискуют вести тайные дневники. В романе «1984» Джорджа Оруэлла Уинстон Смит начинает вести дневник, чтобы выразить себя вопреки государству Большого Брата. Ведение дневника является «проступком», который, будучи обнаружен, «по всей логике» приведет к «смертной казни или по крайней мере к 25-летнему заключению в лагере принудительного труда». Оруэлловское государство Большого Брата активно стремится искоренить любое представление о личном Я. Принудительные коллективные формы жизни лишают людей времени, места и даже необходимых орудий – бу-

³ Говоря о «либеральном субъекте», я имею в виду теоретический конструкт, лежащий в основе западных концепций Я. Различение «частного» («приватного») и «общественного» («публичного») важно для либерально-демократической концепции общества, опирающейся на согласие отдельных субъектов. См.: *Halberstam M. Totalitarianism and the Modern Conception of Politics. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 46—49, 113—117.*

маги и карандаша – для формулирования каких-либо личных мыслей. Уинстон Смит ведет свой дневник в «удивительно красивой тетради. Гладкая кремовая бумага чуть пожелтела от старости – такой бумаги не выпускали уже лет сорок, а то и больше. Он приметил ее на витрине старьевщика в трущобном районе и загорелся желанием купить»⁴. Смысл этого описания ясен: личному дневнику – артефакту прошедшей либеральной эпохи – не место в тоталитарном государстве.

Жанр дневников, процветавший в дореволюционной русской культуре, предположительно должен был исчезнуть в наступившей после революции обстановке страха и недоверия. Считалось, что те, кто вел дневники во время революции и в первые годы советской власти, прекратят это делать в сталинскую эпоху, когда написание личных текстов легко могло превратиться в саморазоблачение⁵. В 1926 году ОГПУ конфисковало дневник у Михаила Булгакова. После возврата дневника (без каких-либо обвинений) писатель

⁴ *Orwell G.* 1984. San Francisco: Harcourt Brace Jovanovich, 1984. С. 7 (русский перевод В.П. Голышева: <http://readr.ru/dghordgh-oruell-1984-perevod-golisheva-vp.html>).

⁵ *Богомолов Н.А.* Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 148—158. По наблюдению Жоржа Нива, после 1917 года «дневник как жанр интимной литературы исчезает. Ни революция, ни террор ему не способствуют... У нового человека нет внутреннего мира. Личный дневник? Он даже не знает, что это», см.: *Nivat G.* Le journal intime en Russie // *Russie-Europe. Le fin du schisme: Etudes littéraires et politiques.* Lausanne: L'âge d'homme, 1993. P. 146.

уничтожил его⁶. Оставшиеся в живых интеллигенты сходятся во мнении, что дневник в сталинский период был анахронизмом. «В то время нельзя было даже подумать о ведении настоящего дневника», – замечает в предисловии к беседам с Анной Ахматовой, записанным в виде дневника в 1938—1941 годах, Лидия Чуковская. Чуковская добавляет, что всегда «опускала или маскировала» «основное содержание» своих бесед с поэтессой. В воспоминаниях, написанных в 1967 году, Вениамин Каверин рассказывает о своем посещении Юрия Тынянова в Ленинграде в конце 1930-х годов. Хозяин, указав на открытое окно, из которого несло гарью, сказал: «Люди жгут память и делают это уже давно, каждую ночь... Я теряю рассудок, думая о том, что каждую ночь тысячи людей бросают в огонь свои дневники»⁷.

Однако представление о всеобщем и единообразном подавлении личных нарративов опровергается теперь потоком личных документов первых десятилетий советской власти – дневников, писем, автобиографий, поэтических произведений, обнаруживаемых в недавно открытых советских ар-

⁶ Впоследствии Булгаков попросил вести дневник жену, и она вела его: Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. Большие фрагменты булгаковского дневника сохранились в машинописной копии, отпечатанной ОГПУ.

⁷ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938—1941. М.: Время, 2007. С. 5. Однако на самом деле Чуковская во времена сталинщины завела несколько дневников. Чуковская Л. По эту сторону смерти: из дневника 1936—1976 гг. Париж: ИМКА-пресс, 1978; Каверин В. Эпилог: мемуары. М.: Аграф, 1997. С. 233.

живах. Дневник, похоже, оставался популярным жанром советского и особенно сталинского периода. Дневники вели писатели и художники, а также инженеры и ученые, учителя, профессора и студенты, рабочие, крестьяне, служащие, партийные работники и комсомольские активисты, военные, школьники и домохозяйки. Дневники вели партийцы разного уровня и беспартийные, включая людей, осужденных за контрреволюционную деятельность.

Их личные хроники очерчивают экзистенциальную территорию, отмеченную авторефлексией и борьбой. Многие советские дневники характеризуются явной интроспективностью, но их интроспекция не направлена на индивидуалистические цели. В противоположность Уинстону Смиту, «дневниковое» *Я* которого было обращено против целей и ценностей, пропагандировавшихся государством, авторы советских дневников обнаруживают стремление вписаться в общественно-политический порядок. Они стремились к самореализации в качестве субъектов истории, действия которых определялись активной приверженностью общему революционному делу. Их личные нарративы настолько насыщены революционными ценностями и категориями, что они, кажется, сводят на нет различие между личной и общественной сферами. Многие авторы дневников сталинской эпохи были увлечены поиском того, кем они, в сущности, являются и как они могут преобразовать себя. Они брались за перо, потому что сталкивались с насущными внутренними про-

блемами и искали на них ответ в дневниковом самодопросе. Их дневники были действенными инструментами для вмешательства в собственное *Я* и сопряжения его с осью революционного времени.

Интерес к самопреобразованию, характерный для советской власти и авторов рассматриваемых дневников, уходил корнями в революцию 1917 года, стимулировавшую новый подход к *Я* как к политическому проекту. Все политические деятели, вставшие на сторону революции, несмотря на их идеологические различия, связывали ее с перестройкой жизни общества и каждого человека по революционным стандартам рациональности, открытости и чистоты. Долгожданное свержение царского строя должно было привести к созданию просвещенного политического устройства, которое избавило бы Россию от «темноты» и рабской покорности, присущих крестьянским массам и лежащих в основе проклятой отсталости. Революция знаменовала собой переход от старой жизни к новой. Речь шла об идеальном будущем, продвижение к которому диктовалось «законами истории», о будущем, которого можно было достичь, применяя рационалистическую науку и современную технику. Это будущее вообразилось как естественная среда обитания идеального «нового» человека, которого революционеры описывали как человека-машину, неутомимого работника или ничем не скованную целостную личность⁸.

⁸ *Plaggenborg S.* Revolutionskultur: Menschenbilder und kulturelle Praxis im

Создание «улучшенного издания человека» (Троцкий) было официально поставленной целью большевистского режима, пришедшего к власти в октябре 1917 года. Перековка человечества и строительство рая на земле составляли смысл существования коммунистического движения. Проповедуя эти ценности советскому населению, каждый коммунист был обязан изменить собственную жизнь по образу и подобию «нового человека». Попытка коммунистов создать новый мир была в значительной степени ожесточенной борьбой с «пережитками» феодального и капиталистического обществ, порождавшими эгоистические и эксплуататорские настроения. Одновременно большевики стремились превратить людей в политически сознательных граждан, понимающих исторические закономерности и участвующих в строительстве социализма в силу собственных убеждений. Через многочисленные политико-воспитательные кампании советская власть подталкивала людей к сознательному отождествлению с революцией (как ее понимало партийное руководство) и, следовательно, к осмыслению себя в качестве активных участников исторической драмы. Их призывали сделать революцию частью своего внутреннего опыта и дать ей истолкование, которое бы определялось не только объектив-

Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln: Böhlau, 1996. Понятие *новый человек*, несмотря на грамматическую принадлежность к мужскому роду, относится к человечеству в родовом смысле и представляет идеал, к которому стремились люди. Тем не менее сама конструкция «новый человек» обладает ощутимо мужскими чертами.

ным ходом истории, но и духовным развертыванием их субъективного Я⁹.

При Сталине режим провозгласил намерение воплотить представление о новом человеке в жизнь. Принятые в 1928—1929 годах партийным большинством решения об ускоренной индустриализации страны, коллективизации крестьянства и активизации борьбы с классовыми врагами отражали страстное желание уничтожить все, что осталось от «старого мира», и приступить к строительству нового. Деятели сталинского режима считали, что революция достигла зрелости и породила у своих сторонников новое сознание, которое позволит осуществить подобный рывок. Индустриализация должна была обеспечить для нового человека материально-насыщенную среду обитания. Масса героев сталинской эпохи – от летчиков-полярников до шахтеров и доряк-ударниц – были представлены как воплощение социалистической личности. Их героические деяния показывали, к чему могут – и должны – стремиться советские люди, чтобы реализовать свой человеческий потенциал. Сталинская эпоха выдвинула советскую мечту, контуры которой идеолог партии Николай Бухарин очерчивал, имплицитно противопоставляя ее американской мечте. В советской мечте социализм превращал бездуховные «рабочие руки», эксплуати-

⁹ *Halpin I. Terror in My Soul. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 57—60.*

руемые капиталистами, в «людей, в коллективного творца и организатора, в людей, работающих на себя, в сознательных производителей своей собственной “судьбы”, в действительных кузнецов своего счастья»¹⁰. В соответствии с этими революционными требованиями советских граждан следовало оценивать по траекториям их собственной жизни. В двойственном контексте мощных революционных нарративов самопреобразования, с одной стороны, и режима политического надзора над субъективностью людей, проявляющейся в ходе их самовыражения, граждане не могли не осознавать свою обязанность иметь определенную «биографию», публично представлять ее и работать над своим самосовершенствованием. Говорение и писание о себе стали чрезвычайно политизированной деятельностью. «Биография» сделалась произведением, имеющим значительный политический вес.

Активизация мыслей и действий людей, направленных на их *Я*, привела к резкому росту количества советских автобиографий. Дело не только в том, что значительно больше людей стали думать и писать о себе, но и в том, что автобиографический подход затронул совершенно новые слои населения. Этот процесс вел к тому, что люди стали нащупывать язык самовыражения одновременно с обучением чте-

¹⁰ Бухарин Н.И. Тюремные рукописи Н.И. Бухарина: В 2 т. Т. 1: Социализм и его культура. М.: АИРО-XX, 1996. С. 66. Бухарин сформулировал эти идеи в 1934 году, см.: Бухарин Н. Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР // Известия. 30.03.1934. С. 6, 18.

нию и письму¹¹. И все же, хотя коммунистический режим внес значительный вклад в создание автобиографических свидетельств, голоса свидетелей не являлись лишь результатом приспособления к интересам режима. Язык *Я* не родился из predetermined идеологической литании. Скорее он существовал в более широкой революционной экосистеме, которую коммунистический режим не только создавал, но и сам являлся ее продуктом. Приверженность самосовершенствованию, общественной активности и самовыражению в согласии с историей возникла за много десятилетий до русской революции и уходила корнями в традиции русской интеллигенции. По сути дела, быть достойным определения *интеллигент* значило проявлять себя критически мыслящим субъектом истории. Это наследие XIX века сформировало самопонимание деятелей революции 1917 года и определило рамки проводившейся ими политики общественной идентичности и личного самоопределения¹².

¹¹ *Gorham M.S.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003; *Dobrenko E.* The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Stanford: Stanford University Press, 2001.

¹² См. особенно: *Morrissey S.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York: Oxford University Press, 1998; *Steinberg M.* Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2002; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. Понятие «экосистема» введено нами под влиянием представления Катерины Кларк об «экологии революции», см.: *Clark*

Некоторые советские революционеры считали дневник, наряду с другими формами автобиографической практики, средством самоосмысления и самопреобразования. Но другие смотрели на него с тревогой и подозрением, считая ведение дневника сугубо «буржуазной» деятельностью. О том, подобает ли коммунисту вести дневник, спорили. Ведение дневника было оправдано при условии, что оно способствовало развитию социалистического сознания и воли к действию, но существовала также возможность, что оно приведет к пустой болтовне или даже хуже к «гамлетизму» – мрачным раздумьям вместо революционных поступков. Люди, писавшие дневники в уединении, не под контролем товарищей, рисковали оторваться от воспитывавшего их коллектива. Без такого контроля дневник стойкого коммуниста мог превратиться в рассадник контрреволюционных настроений. Не случайно дневники были одними из самых желанных для органов документов во время обысков в домах предполагаемых «врагов народа».

Итак, дневники 1930-х годов были не просто прямыми порождениями советской государственной политики воспитания революционного сознания. Лишь в редких случаях дневники возникали по предписанию, полученному в классе, на стройплощадке или в редакции. По большей части эти доку-

K. Petersburg: Crucible of Revolution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 1—29; см. также: *David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918—1929.* Ithaca: Cornell University Press, 1997. P. 190—191.

менты велись по инициативе самих авторов, которые, в сущности, часто сожалели об отсутствии руководящих указаний о том, как им строить свою жизнь: не существовало официальной формулы очищения от «старой» природы и сохранения веры в новую. Будучи результатом непрерывной вовлеченности в самоанализ на протяжении определенного времени, дневники выявляли точки напряжения и разломы, которые обходились молчанием или вытеснялись в других нарративах. Поэтому дневники дают превосходную возможность понять формы, возможности и ограничения самовыражения при Сталине. Разумеется, не всякий дневник того периода служил целям интроспекции или отличался богатством языка самоанализа. Но множество авторов дневников разного возраста, общественного положения и профессий пытались ответить на одни и те же вопросы: кто они и как они могут измениться. Их объединяло общее стремление вписать свою жизнь в более общий революционный нарратив. Для их записей характерны общие формы самовыражения и идеалы самореализации, не сводящиеся к отдельным случаям и имеющие более широкое культурное значение.

Авторы этих дневников представляли себя типичным для Нового времени образом. «Быть человеком Нового времени, – пишет Мишель Фуко, – значит не воспринимать себя находящимся в потоке преходящих моментов, а видеть в себе объект сложной и трудной обработки»¹³. Это озна-

¹³ Foucault M. What is Enlightenment? // Rabinow P. (ed.) The Foucault Reader.

чает представлять себя субъектом собственной жизни, а не, скажем, объектом высшей воли. В Новое время субъекты перестают признавать наперед заданные роли; они стремятся к самостоятельному созданию собственных биографий. Таким образом, субъектность предусматривает определенную степень сознательного участия человека в сотворении своей жизни¹⁴. В частности, советские дневники, с которыми я имел дело, позволяют понять происхождение нелиберальной, социалистической субъектности. С самого своего зарождения как политического движения социализм определялся его сторонниками через противопоставление либе-

New York: Pantheon, 1984. P. 41. Юрий Лотман выступает за прочтение автобиографий Нового времени как «культуры программ поведения», см.: *Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)* // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 372.

¹⁴ Это понимание субъектности, хотя оно и возникло под влиянием Фуко, не основано на предложенном Фуко понятии *assujétissement*. Этот термин был разработан Фуко для того, чтобы подчеркнуть иллюзию самостоятельности индивида и таким образом подвергнуть критике либеральную основу Нового времени; однако в случае его применения к нелиберальному советскому государству возникают проблемы. См.: *Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia* // Goldstein J. (ed.). *Foucault and the Writing of History*. Cambridge: Blackwell, 1994; *Plamper J. Foucault's Gulag* // *Kritika*. 2002. Vol. 3. № 2; *Hellbeck J. The Analysis of Soviet Subjectivity Practices: Interview with the Editors of Ab Imperio* // *Ab Imperio*. 2002. № 3. P. 217—260, 397—402. О Фуко и субъектности см.: *Rabinow P. (ed.). Foucault Reader*; *Dreyfus H.L., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago: Chicago University Press, 1983. См. также: *Mansfield N. Subjectivity: Theories of the Self from Freud to Haraway*. New York: New York University Press, 2001.

ральному капитализму. Когда революционеры в Советской России приступили к построению социалистического общества, они стали соревноваться со стандартной индустриальной модерностью, характерной для капиталистического Запада. Они разделяли с ней приверженность технике, рациональности и науке, но считали, что социализм победит экономически, морально и исторически, поскольку опирается на сознательное планирование и силу организованного коллектива¹⁵. В этом контексте *Я*-нарративы высвечивают значение и смысл социализма как антикапиталистической формы самореализации. Авторы дневников представляли себе идеальную жизнь в контрасте с капиталистическим Западом, который они воспринимали как эгоистический, индивидуалистический, ограниченный, словом – буржуазный. Они стремились к тому, что один из авторов дневников назвал «второй стадией» понимания – способности избежать атомизированного существования и постичь себя как частичку коллективного движения.

В расширенной жизни коллектива виделся источник подлинной субъективности. Коллектив обещал дать человеку дополнительную энергию, исторический смысл и нравствен-

¹⁵ См.: *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995; *Malia M.* The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917—1991. New York: Free Press, 1994; *Hoffmann D.L., Kotsonis Y.* (eds.). Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. New York: St. Martin's, 2000; *Hoffmann D.L.* Soviet Values: the Cultural Norms of Soviet Modernity. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

ные ценности. Напротив, жизнь вне коллектива или вне потока истории грозила личностной деградацией, обусловленной неспособностью участвовать в устремленной в будущее жизни советского народа. Юлия Пятницкая осознавала эту динамику, и в ее дневнике звучало настойчивое и отчаянное желание воссоединиться с коллективом. Потеряв после ареста мужа работу инженера, она целыми днями сидела в публичной библиотеке, перелистывая технические журналы: «Просматривала *Машиностроение* за март. Каждый день, прожитый мною, двигает меня назад. Строятся новые машины: станки, сельскохозяйственные, для метрополитена, для мостов и т.д. ... Инженеры ставят по-новому вопросы организации, технологии инструментального дела. В общем, жизнь идет безусловно вперед, несмотря ни на какие “палки в колеса”. Чудный дворец культуры для “Зисовца”. Прямо завидки взяли: почему я не в их коллективе?»¹⁶

Принадлежность к коллективу и связь с историей были обусловлены необходимостью труда и борьбы, невозможных без неудач, провалов и обновленных обязательств. На фоне неухабавших призывов к «бдительности» такие авторы дневников, как Юлия Пятницкая, описывали свою неспособность соответствовать требованиям, предъявлявшимся к мышлению и поведению советских людей. У них возникали прямые вопросы и сомнения по поводу того, как согласовать радужные официальные репрезентации строящегося социа-

¹⁶ Пятницкий В.И. (ред.). Голгофа... С. 76 (26.03.1938).

листического общества с серыми и тягостными реалиями их личной жизни. Но они сопротивлялись собственным наблюдениям, вызванным, как они полагали, «слабостью воли», и клялись бороться с ними. До некоторой степени колебания и сомнения были необходимы для работы над собой; они создавали динамику борьбы и движения вперед, динамику, которую авторы дневников переживали как развертывание своей воли.

Разделения внутренних стремлений и внешней покорности оказывается недостаточно для понимания власти советской революционной идеологии, преобразующей и пробуждающей персональное Я. Многие личные нарративы сталинской эпохи показывают, что идеология была живой тканью тех смыслов, над которыми серьезно размышляли авторы дневников. Идеология создавала напряжение, поскольку зачастую резко контрастировала с наблюдавшейся автором реальностью. Суть, однако, не в том, чтобы сосредоточиться на точках напряжения как таковых, а в том, чтобы увидеть, как люди работали с ними: сколь нетерпимо было для них «двоедушие», насколько малопривлекательным представлялся уход в личную жизнь, как они пользовались механизмами рационализации, пытаясь восстановить гармоничное представление о себе как части социалистического общества. Значительная часть идеологических противоречий в советской системе раннего периода не возникала между государством, с одной стороны, и гражданами (как вполне

сформированными Я), с другой, а заключалась в способах взаимодействия граждан со своими собственными Я.

Несмотря на широко распространенную склонность вычитывать субъективность сталинской эпохи между строк и сосредоточиваться на пропусках и умолчаниях, чтение должно начинаться с самих строк автобиографических утверждений. Ханна Арендт, в течение многих лет изучавшая свидетельства представителей тоталитарного общества, пришла к выводу, что для «истинного понимания ничего не остается», кроме как принимать смысл высказываний за чистую монету. «Источники говорят и тем самым обнаруживают самопонимание и самоистолкование людей, которые действуют и считают, что знают, что они делают. Если мы отрицаем их способность к самоинтерпретации и претендуем на то, что понимаем больше них и можем рассказать, в чем состоят их подлинные “мотивы” и какие объективные “тенденции” они представляют – и неважно, что думают они сами, – мы лишаем их самого дара речи, насколько речь вообще имеет смысл». За исключением тех редких и легко обнаруживаемых случаев, когда люди сознательно лгут, заключает Арендт, «самопонимание и самоистолкование являются основой любого анализа и понимания»¹⁷.

Поскольку эта книга акцентирует формирующее воздей-

¹⁷ *Arendt H. On the Nature of Totalitarianism: An Essay on Understanding // Arendt H. Essays on Understanding, 1930—1954. New York: Harcourt, Brace, 1994. P. 338—339.*

ствие идеологии на жизнь субъектов сталинской эпохи, может показаться, что она возвращается к теориям тоталитаризма, включая Арендт и Оруэлла. Сторонники тоталитарной парадигмы понимают идеологию в коммунистическом государстве как корпус официальных истин, исходивших от центральных государственных учреждений и служивших интересам режима. Идеология индоктринировала людей, внушая им, что они участвуют в великом «движении», а на самом деле обманывая их относительно истинных условий несвободы. Во многих смыслах убедительное, данное истолкование сводило советских граждан к жертвам устремлений режима. Затем пришло новое поколение социальных историков и обнаружило активное участие значительной части населения в мероприятиях большевиков. В процессе такого обнаружения советский строй был поразительным образом деидеологизирован, а его функционирование объяснялось в категориях «эгоистических интересов» различных социальных групп, выступающих в качестве бенефициаров режима. Однако историки этой школы не пытались критически проанализировать, какие формы подобные «эгоистические интересы» могли приобрести в социалистическом обществе¹⁸. Синтез этих позиций реабилитировал бы идеологию и одновременно сохранил бы ощущение индивидуальной субъект-

¹⁸ См. особенно: *Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921—1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Getty J.A. The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1937. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.*

ности (*agency*), но субъектности, не существующей автономно, а создаваемой идеологией и динамично взаимодействующей с нею. Подобное внимание к идеологии и субъектности как переплетенным и взаимодействующим элементам позволило бы лучше почувствовать экзистенциальные обстоятельства исследуемого времени, которыми, за исключением Арендт, не интересовались ни сторонники теории тоталитаризма, ни ревизионисты¹⁹.

Идеологию лучше понимать не как заданный, фиксированный и монологичный корпус текстов в смысле «идеологии Коммунистической партии», а как фермент, действующий в сознании людей и в ходе взаимодействия с субъективной жизнью конкретной личности приводящий к весьма разнообразным результатам. Человек здесь выступает в роли своеобразного операционного центра, в котором идеология распаковывается и персонализируется, в процессе чего индивид переделывает себя в субъекта с определенными

¹⁹ Этого нельзя сказать о «Магнитной горе», превосходной микроистории Магнитогорска, написанной Стивеном Коткином и вдохновившей и мою работу. Я по-иному, чем Арендт, отношусь к взаимосвязи идеологии и субъектности. Арендт не интересовалась отдельным человеком как активным субъектом. С ее точки зрения, движущей силой является сама идеология: «независимо от любого опыта» идеология, «наталкиваясь» на конкретного человека, устраняет субъектность. При таком подходе недооценивается активное и творческое участие личности в усвоении идеологии, в процессе которого от человека требуется переработать свой субъективный опыт, а не отбросить его. См.: *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1979. P. 470.* См. также: *Naiman E. Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.*

ми и осмысленными биографическими чертами. Активизируя индивидуума, сама идеология обретает жизнь. Поэтому идеологию следует рассматривать как живую и адаптивную силу, оказывающую влияние лишь постольку, поскольку она функционирует в живых личностях, взаимодействующих с собственным Я и миром в качестве субъектов идеологии. В значительной мере логика великих революционных нарративов преобразования (преобразования общественного пространства и собственного Я), коллективизации (коллективизации индивидуалистически настроенных производителей и собственного Я) и очищения (кампаний политической чистки и актов индивидуального самосовершенствования) создавалась и воспроизводилась советскими гражданами, рационализировавшими непостижимую политику государства и, таким образом, являвшимися агентами идеологии наряду с руководителями партии и государства.

Стремление авторов дневников сталинской эпохи к целенаправленной и осмысленной жизни отражало распространенную потребность в ее идеологизации, превращении жизни в выражение прочного, внутренне непротиворечивого, универсального мировоззрения (*Weltanschauung*). Эта ориентация на осмысленность и включенность в общество пересекалась со стремлением большевиков переделать человечество. Таким образом, режим мог направить устремленность к обретению ценности и преодолению собственного Я, возникшую за идейными границами большевизма, в приемле-

мое для него русло. В свете этого советский проект предстает вариантом более общего европейского явления межвоенного периода, которое можно описать как двойное обязательство: иметь личное мировоззрение и интегрироваться в общество. Эта идеальная форма бытия была названа «скоординированной жизнью»: она обещала подлинность и интенсивную осмысленность, реализуемую в коллективных действиях, предпринимаемых в соответствии с законами истории или природы²⁰.

Апелляция к *Я* лежала в сердце коммунистической идеологии. Она была ее определяющей чертой, а также источником ее силы. На фундаментальном уровне эта идеология выступала творцом личного опыта. Всякий, кто вписывал себя в революционный нарратив, обретал голос как действующий субъект, принадлежащий к более широкому целому. Более того, присоединение к движению было для каждого индивида стимулом к переделке *Я*. Силу коммунистического призыва, обещавшего, что те, кто раньше были рабами, могут превратиться в образцовых представителей человечества, нельзя переоценить. Она ярко выразилась в сбив-

²⁰ «Скоординированная жизнь» (*ausgerichtetes Leben*) – термин, предложенный немецким критиком: *Kracauer S.* Schriften, I: Der Detektiv-Roman: Ein philosophischer Traktat. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. S. 109, 111, 118, 129. О концепциях нелиберальной самости в Европе см.: *Wohl R.* The Generation of 1914. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981; *Fritzsche P.* Germans into Nazis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998; *Herf J.* Reactionary Modernism. New York: Cambridge University Press, 1984.

чивых автобиографических нарративах полуграмотных советских граждан, подробно описывавших свой путь от темноты к свету. Универсальность амбиций и масштаб советской революции выводили ее участников на уровень субъектов истории, которые ежедневно способствовали движению истории к идеальному будущему. Многие из дневников, которые я буду здесь обсуждать, созданы в диалоге с этим двойным призывом коммунистического проекта: призывом к самопреобразованию и призывом к участию.

ГЛАВА 1

ВОСПИТАНИЕ

СОЗНАТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАН

Когда в феврале 1917 года в России произошла революция, Дмитрий Фурманов работал преподавателем вечерней школы для рабочих в родном городе, промышленном Иваново-Вознесенске. Полупрофессиональный писатель и бывший студент, покинувший Московский университет в самом начале Первой мировой войны чтобы участвовать в работе Красного Креста, 25-летний Фурманов немедленно включился в деятельность бурно разраставшейся сети революционных комитетов и партийных ячеек. Через месяц после начала революции он писал в дневнике: «Почетное звание “общественного работника” удесятерит силы... обязывает быть в высшей степени осторожным, рассудительным и строгим, приучает к сознательности, личному самосуду и личной самооценке. <...> В этой новой школе вырабатываются принципы, закаляется воля, создается план, система действий. <...> Эта великая революция и во мне создала психологический перелом»²¹.

Фурманов утверждал, что революция, как предвестница

²¹ *Фурманов Д.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Дневники, литературные записи, письма. М.: ГИХЛ, 1961. С. 92—93 (26.03.1917).

нового, разумного и справедливого общественного строя, преобразила его по своему образу и подобию. Вмешавшись в его личную жизнь, революционная воля рационализировала работу его тела и души. Однако не все дневниковые записи Фурманова в тот период были столь энергичными по тону. Многие фрагменты свидетельствуют о его неуверенности в себе и нервных попытках определить свою политическую позицию. Так, в записи за август 1917 года, озаглавленной «Кто я?», Фурманов пытался выяснить для себя, кто он – «эсер, интернационалист, максималист»? Два года спустя, уже вступив в большевистскую партию и будучи назначен на ответственную должность комиссара красной дивизии, сражавшейся на Гражданской войне, он продолжал жаловаться на отсутствие необходимой подготовки и недостаток политического энтузиазма, указывая, что его психологическая жизнь еще не вполне скоординирована с революцией²².

Фурманов был одним из многих учителей, писателей, врачей, относивших себя к российской демократической интеллигенции и поддерживавших революцию как зарю новой эры. Для них она означала долгожданный момент, когда сценарии преобразования общества и человека, намеченные предшествующими поколениями интеллигенции, должны были воплотиться и стать действительностью. Эти сценарии предполагали полное обновление, полноту возможностей и безгра-

²² Фурманов Д. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 100, 216, 224 (18.08.1917; 29.12.1919; 01.03.1920).

ничное совершенствование человечества; их олицетворением стал образ социалистического «нового человека». В апреле 1917 года Максим Горький выразил эти ожидания в статье в издававшейся им газете «Новая жизнь»: «Новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души»²³. Фурманов следовал этому требованию совершенно буквально: для него приверженность созданию нового, лучшего общества в важной степени предусматривала приверженность обновлению собственного Я²⁴.

Преданность новым формам общественной и личной жизни, выраженная в акте революции, объединяла революционеров всех лагерей – от большевиков, взявших власть в октябре 1917 года, до резко критиковавшего их Максима Горького и политически колебавшегося активиста Дмитрия Фурманова. Как представители русской интеллигенции, они разделяли моральную готовность посвятить жизнь общему делу, социальному прогрессу, народному благоденствию или ускорению хода истории. Задача интеллигенции состояла в том, чтобы обучать и просвещать, поднимать «темные массы» России до уровня настоящих людей и критически мыслящих личностей, которые восстанут против угнетателей и таким образом, двинут историю по предначертанному пути

²³ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990.

²⁴ О «новой жизни» и «новом человеке» см.: Колоницкий Б. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Д. Буланин, 2001. С. 326—335.

к освобождению. В силу своего привилегированного образования интеллигент лучше понимал законы истории. Роль авангарда давала ему право вести других к свету, но и надеяла его нравственной обязанностью прожить чистую жизнь, наполненную ревностным служением обществу, находящуюся в единстве с историей, – то есть обязанностью воплощать в себе качества нового человека.

Представление о новом человеке было впервые сформулировано в романе писателя и критика XIX века Николая Чернышевского «Что делать?», в котором содержалось оказавшее огромное влияние на умы изображение «новых людей» – молодых мужчин и женщин, способных вести абсолютно рациональную жизнь и всецело посвящающих себя стремлению к лучшему будущему. Каждый из этих «людей новой эпохи» был «сильной личностью»: «отважной, не колеблющейся, не отступающей, умеющей взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватается за него, так что оно не выскользнет из рук». В один прекрасный день эти революционеры станут обычным типом, но пока (в 1863 году) они остаются редким явлением: «Они – теин в чаю, букет в благородном вине; от них сила и аромат [жизни]; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»²⁵.

Чернышевский создавал «Что делать?» как призыв к дей-

²⁵ Чернышевский Н.Г. Что делать: Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 215.

ствию, и именно так книга и была воспринята. Множество радикально настроенных студентов в последний период существования царизма воспитывало себя по образцу героев романа. Ленин говорил о нем как о важнейшей книге в своей жизни; даже в 1933 году глава Коминтерна Георгий Димитров, обвиненный нацистами в поджоге рейхстага, читал его, чтобы зарядиться духовной силой во время ожидания суда в берлинской тюрьме. Важно, что одной из целей Чернышевского при написании романа было определение норм собственной жизни. Чаяния и проблемы героев романа были и вопросами его жизни; и эти герои, и он сам были до конца привержены историческому прогрессу²⁶.

Определяющим качеством нового человека и важнейшим свойством любой критически мыслящей личности являлась сознательность. Присущая образцовым людям – писателям, критикам, идеологам – сознательность представляла собой способность видеть законы истории и понимать свои возможности как субъекта исторического действия, который будет участвовать в прокладывании дороги к светлому будущему. На этом понимании основывалось нравственное действие: оно стимулировало волю и придавало желание неустанно стремиться к достижению идеала. Законы ис-

²⁶ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1953; Революционная литература в борьбе против фашизма: Речь тов. Димитрова на антифашистском вечере в Доме литераторов 28 февраля 1935 г. // *Deutsche Zentralzeitung*. 4. März. 1935; *Паперно И.* Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

тории были законами общественного освобождения; отсюда – принципиально общественная ориентированность сознания, которая заставляла личность мыслить и действовать во имя угнетенных масс и тем самым создавала расширенное ощущение собственного Я, проникнутого целью, смыслом и нравственными ценностями. Разумная ясность сознания достигалась в ходе борьбы личности с силами темноты и хаоса как в обществе, так и во внутреннем мире. Критерием такой упорядоченности и ясности было обладание «стройным общественным мировоззрением», ставившим личность на «правый и справедливый путь» и означавшим для нее начало «новой жизни». В определенном смысле сознательность была мерой самой жизни. Нельзя было жить полноценно, не развив мировоззрение, открывавшее свет истины²⁷.

Именно стремясь к сознательности, Дмитрий Фурманов и завел дневник, чтобы проследить в нем воздействие истории на свою личную жизнь. В ретроспективной записи, относящейся к концу декабря 1919 года, он обобщал собственное развитие с момента начала революции и отмечал, что, несмотря на колебания, оно определенно характеризовалось ростом от стихийности к сознательности, от «детства, энтузиазма, неведения» к «мужеству, спокойствию, большей сознательности и большему знанию». В принципе, считал он,

²⁷ *Пешехонов А.В.* Материалы для характеристики русской интеллигенции (1900) // К вопросу об интеллигенции. СПб.: Типография Н.Н. Клобукова, 1906. С. 62, 65.

революция сделала из него развитого человека. До политического пробуждения он вел «пустую, глупую, несерьезную жизнь»: «Пелена с глаз у меня спала только во дни революции, а до того я был совершенным младенцем»²⁸. Понятие сознательности способствовало мышлению о себе в биографических категориях. Переход от темноты к свету был переходом от небытия к полной человечности; он проходил через все большее самораскрытие интериоризированного, психологического Я. Как показывает случай Фурманова, сознательность, учитывая ее двойственный акцент на общественной активизации и самопреобразовании, с одной стороны, и психологическом анализе и самоконтроле, с другой, создавала чрезвычайно привлекательные биографические нарративы.

С момента ее создания Лениным большевистская партия определяла себя как концентрированное выражение революционной сознательности. Состоявшая из сплоченных между собой профессиональных подпольщиков, партия сочетала максимальную преданность революции с требованием исключительной самодисциплины каждого партийца. Обретя

²⁸ *Фурманов Д.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 214—215 (26.12.1919; 12.08.1921). Такое новое понимание окончательно прояснилось в ретроспективе, но уже до революции Фурманов работал над тем, чтобы достичь идеала совершенства. Революция, как показывает его случай, была вписана в биографический сценарий радикального интеллигента, она предвосхищалась как порог самореализации; см. также: *Куприяновский П.В.* Неизвестный Фурманов. Иваново: Ивановский госуниверситет, 1996.

власть в октябре 1917 года, партия поставила себе более общую задачу: распространять свою идеологию и привлекать на сторону коммунизма все более широкие слои населения. Стремясь сделать сознательность универсальным опытом, большевики приступили к реализации гигантского проекта изменения человеческого Я, принципы которого во многом совпадали с подходом к самовоспитанию, описанным в дневнике Фурманова. Задача состояла в том, чтобы побудить своих сторонников мыслить и действовать так, как подобает историческим субъектам, чья жизнь определяется революцией. Активистам коммунистического движения было важно не только изменить внешнее поведение людей; они стремились захватить их души, то есть сделать так, чтобы люди понимали миссию Коммунистической партии и добровольно поддерживали ее. Весь проект опирался на волюнтаристское предположение, согласно которому успех или неудача революции зависели от того, насколько сознательно действуют ее сторонники, насколько они признают свою жизнь исторической по своей сути и действуют на основании такого признания.

Большевики были «вербальными империалистами»; они – вслед за Марксом – считали очевидным, что «бытие определяет сознание» и что поэтому рабочему необходимо испытать воздействие революционного сценария, чтобы вполне понять свою историческую миссию. Революционный язык в понимании коммунистов не просто обозначал предметы

и явления; по словам Троцкого, «язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть необходимое условие правильности и точности самой мысли». Коммунисты Советской России пытались внести сознательность в широкие массы в значительной степени языковыми средствами: посредством практик чтения, письма, а также устного и письменного самопредставления²⁹.

При исследовании этих практик особое внимание необходимо уделять тому месту, которое они занимали в историческом воображении большевиков. Большевистская политика всегда обуславливалась отчетливым ощущением исторической стадильности революции. Человек в понимании советских марксистов был исторически развивающимся существом. Как выразился один психолог 1930-х годов, «человек весь, от его сознания до каждой клетки его организма, есть продукт исторического развития»³⁰. Если сознание исторично по своей природе, то оно проходит исторические стадии, соответствующие определенным политическим фазам развития советской власти, реализующей историческую необходимость. Сознание не является чем-то готовым и присущим каждому; напротив, его следует развивать, прилагая к этому энергичные политические усилия. Сознание посте-

²⁹ *Троцкий Л.* Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. С. 71; *Clark K.* Op. cit. P. 201—223.

³⁰ *Веденов А.* К вопросу о предмете психологии // Психология. 1932. № 3. С. 55. Благодарю профессора Питера Холквиста за то, что он обратил мое внимание на эту и другие советские работы в области военной психологии.

ленно овладевает человеком, сначала воздействуя на его среду и внешнее поведение, а затем проникая в сокровенные глубины его психики. В 1923 году Лев Троцкий указывал на эту динамику перехода от внешнего к внутреннему, отмечая, какие этапы революция уже прошла и какие ей еще предстоит пройти на пути к социалистическому будущему:

Человек сперва изгонял темную стихию из производства и идеологии, вытесняя варварскую рутину научной техникой и религию – наукой. Он изгнал затем бессознательное из политики, опрокинув монархию и сословность демократией, рационалистическим парламентаризмом, а затем насквозь прозрачной советской диктатурой. Наиболее тяжело засела слепая стихия в экономических отношениях, но и оттуда человек вышибает ее социалистической организацией хозяйства. Этим делается возможной коренная перестройка традиционного семейного уклада. Наконец, в наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследующей мысли и творческой инициативы?³¹

За счет акцента на овладении собой и индивидуальной воле понятие сознательности было потенциально способно раскрывать богатую культуру личности и выходить на просторы романтического ума. Троцкий описывал социалисти-

³¹ Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 197.

ческое будущее как время, когда «средний человеческий тип поднимется до высот Аристотеля, Гете или Маркса». Но такой сценарий самоактуализации мог быть осуществлен только после длительного исторического этапа мобилизации и дисциплинирующего насилия, заставляющего вспомнить скорее о духе Просвещения, чем о духе романтизма. В течение десятилетия после окончания Гражданской войны большевистские активисты формировали советскую власть как просвещенную диктатуру. Даже знаменитый ленинский лозунг об «электрификации всей страны» свидетельствовал, что Коммунистическая партия считала себя носителем света, миссия которой заключается в том, чтобы дать «темным» российским массам образование и технику. Однако уже с начала 1930-х годов партия стала осуществлять фундаментальный переход к романтической чувственности. Электрификация, похоже, привела к тому, что советские граждане сами стали источниками света. Сознательность уже не просто приносилась в массы отсталого населения; она начала разворачиваться изнутри, все глубже воодушевляя все большее количество советских граждан³².

Фурманов, умерший в 1926 году, однозначно принадлежал к просвещенческому этапу развития коммунистического проекта. После вступления в партию в 1918-м он стал од-

³² Троицкий Л. С. 198. О просвещенческой образности см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain; Clark K. The «History of the Factories» as a Factory of History // Hellbeck J., Heller K. (eds.). Autobiographical Practices in Russia. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.*

ним из ведущих распространителей коммунистического сознания. Став комиссаром, он был назначен в состоявшуюся из бывших партизан дивизию в качестве идеологического руководителя ее легендарного командира-крестьянина Василия Чапаева. Фурманов, который все эти годы вел дневник, впоследствии написал документальный роман о своей встрече с Чапаевым. Как в дневнике, так и в романе их отношения раскрываются через бинарную оппозицию стихийности и революционной сознательности. Чапаев был энергичным, но недисциплинированным командиром. Его анархическую энергию следовало направить в правильное русло и организовать, чтобы она служила революции и была полезна истории. Это и было задачей комиссара, которого в романе зовут Федором Клычковым. Клычков всегда говорит и мыслит абсолютно рационально, и его речь «формулет» Чапаева, который физически силен, но интеллектуально податлив, «как воск». Вместе Чапаев и Клычков соединяют в себе важные для революции качества активности и сознательности, народной смекалки и интеллигентской культуры. Учитывая увлечения самого Фурманова анархизмом в 1917 году и борьбу, которую он вел в дневнике с неорганизованностью собственной психики, два главных героя романа прочитываются как изображение личного стремления автора стать сознательным субъектом революции. Фурманов писал роман «Чапаев» в традиции Чернышевского – как подсказанную собственной биографией историю об образцовых революци-

онерах, которым следует подражать. Сразу после издания в 1923 году роман стал бестселлером и образцом для множества советских литературных произведений, варьирующих тему конфликта между стихийностью и сознательностью³³.

Описание Фурмановым Гражданской войны показывает, сколько усилий тратила молодая советская власть на риторическом поле боя. Красноармейцы, описанные в «Чапаеве», понимали, что «надо уметь войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, ясным умом и способностью понимать обстановку и как следует сообщать о ней другим». Фурманов участвовал в освобождении Уфы от белых в июне 1919 года. Через считанные часы после взятия города «населению было роздано множество листовок с объяснением обстановки. На стенах домов появились стенгазеты, а со следующего дня каждое утро стала выходить дивизионная газета. На каждом углу города проводились импровизированные митинги»³⁴. «Слово – наше лучшее оружие», – заявлял глава Комиссии по всеобщему военному обучению (Всевобуч) Николай Подвойский. Слова могут «разлагать психи-

³³ Таким образом, написание «Чапаева» было для Фурманова автобиографической практикой; см.: *Hellbeck J. Russian Autobiographical Practice // Autobiographical Practices in Russia. P. 279—298. О «Чапаеве» см.: Vroon R. Dmitrii Furmanov's *Chapaev* and the Aesthetics of Russian Avant-Garde // Bowlt J.E., Match O. (eds.). Laboratory of Dreams: The Russian Avant-Garde and Cultural Experiment. Stanford: Stanford University Press, 1996.*

³⁴ *Фурманов Д. Собрание сочинений. Т. 1. С. 277. Один из разделов военного дневника Фурманова называется «Сила слова» (Там же. Т. 4. С. 271).*

ку противника, парализовать его нервы, раскалывать его на конфликтующие лагеря и классовые группировки». Но слова могли также наделять личность сознанием более общего целого, превращать ее в частичку коллектива. Что самое важное, революционная речь обладала мощной биографической привлекательностью: она ткала личные нити в общем нарративе классовой борьбы, освобождения, образования и раскрепощения и тем самым делала революционное послание значимым для тех, кому оно было адресовано. Даже белые признавали эффективность деятельности красноармейских политработников среди новобранцев; по словам одного офицера, политработники вели непрерывную агитацию, используя любую возможность и обращаясь к самым незначительным фактам, чтобы показать пользу, которую принесла людям большевистская власть³⁵.

Перепись, проведенная советской властью в 1920 году, показала, что 60% взрослого населения не умели читать и писать. В таких условиях возможность проповедовать силу политического языка зависела от ликвидации безграмотности. Борьба за грамотность, которую неустанно вела советская власть, была явно направлена на насаждение революционного сознания. Декрет правительства о ликвидации безграмотности, изданный в декабре 1919 года, начинался слова-

³⁵ Высказывания Подвойского и белого офицера приводятся в: *von Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State. Ithaca: Cornell University Press, 1990. P. 98, 113.*

ми: «В целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны СНК постановил...» Распространенный в сотнях тысяч листовок, этот декрет обязывал всех неграмотных граждан в возрасте от 8 до 50 лет учиться. Того же требовал Ленин: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Борьба с неграмотностью становилась «непременным условием политики»³⁶. Развитие технических навыков чтения и письма было неразрывно связано с программой создания политически грамотных граждан. Политическое просвещение состояло в том, чтобы воспитать «активных и сознательных» советских граждан, «возбудить активность» и «сформировать привычку быть активными»³⁷. В ходе культурной революции времен первой пятилетки Максим Горький, к тому времени ставший пылким сторонником социалистического государства, обратился к советской общественности с призывом жертвовать деньги на образование взрослых: «Помогайте, товарищи! Каждый рубль даст карандаши и тетради людям, которые хотят учиться для того, чтобы с большей энергией, с более ясным

³⁶ *Kenez P. The Birth of Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 72—73, 77, 72; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 44. С. 174.*

³⁷ *Веденов А. Психология и политпросветработа // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 2. С. 188—213.*

сознанием строить новую жизнь»³⁸.

В рамках воспитания у граждан сознательности советские деятели культуры разработали четкие предписания относительно того, как именно надо читать и писать. Они подчеркивали, что эти процессы не должны происходить бездумно. Здесь нет места зубрежке; наоборот, чтение и письмо должны стать примерами творческой реализации *Я*. Советский педагог в 1920-е годы рекомендовал включить «сознательное чтение» в программу подготовки красноармейцев: «Первым правилом рационального чтения должна быть его полная сознательность... для сознательного читателя книга должна быть не источником готовых мыслей, а материалом для собственного мышления, лишь облегчающим серьезную, самостоятельную работу над тем или иным предметом». Другие авторы подчеркивали значение «самостоятельного» приобретения политической грамотности: «Чтобы быть по-настоящему политически грамотным, недостаточно проработать теоретические и исторические книги по общественным наукам. Надо уметь самостоятельно применять усвоенный материал к современности. Необходимо разбираться в текущей политике». Требуя индивидуального и самостоятельного осмысления текстов, педагоги утверждали, что сознательность должна формироваться изнутри, а не навязываться извне. Аналогично в программе советских школ указывалось, что задания должны формировать у детей

³⁸ Известия. 05.01.1930. С. 5.

самостоятельность и творческие способности. Работа над заданиями должна «развивать не только интеллект учащихся, но и их волю»³⁹.

Большевики победили в Гражданской войне, но получили в распоряжение страну, опустошенную семью годами сражений. Советскому государству пришлось иметь дело с последствиями гибели миллионов людей, вызванной войной, болезнями и собственным насилием. Кроме того, обезлюдели городские и промышленные центры страны, являвшиеся жизненно важным ресурсом «диктатуры пролетариата»: большинство рабочих покинуло опустевшие или разрушенные предприятия и возвратилось в родные села. В понимании большевиков это свидетельствовало о тревожном снижении революционной сознательности основной опоры партии. В ситуации таких потерь власти не оставалось ничего иного, как неохотно согласиться с существованием частного сектора. Новая экономическая политика (нэп) чрезвычайно встревожила партийное руководство и рядовых партийцев, опасавшихся, что мелкобуржуазное сознание, воплощенное в миллионах ремесленников и торговцев, заразит и безнадежно развратит неокрепшее революционное сознание советского общества. Мощное возрождение сил старого мира в годы нэпа приглушило преобразовательные устремле-

³⁹ Кузнецов И. Развитие устной речи в системе комплексного преподавания // Спутник политработника. 1924. № 3. С. 69—70; Таль Б. Вопросы методики полтпросвещения // Там же. С. 19; Педагогическая энциклопедия. М.: Работник просвещения, 1927. Т. 1. С. 587.

ния всех, кроме самых пламенных революционеров. Большинство большевиков рассматривало этот период идеологического компромисса как временное отступление, необходимое, чтобы накопить энергию для решающего удара по капиталистической системе⁴⁰.

Чтобы сохранить целостность в болоте нереформированной крестьянской России и яркого мира нэпмановской буржуазии, партия сомкнула ряды, воспринимая себя осажденным бастионом сознательности. Серия чисток, начавшаяся в 1921 году – именно тогда, когда советское государство объявило о переходе к нэпу, – должна была стать проверкой идейной чистоты каждого члена партии. Помимо «прямых врагов пролетариата», «агентов-provокаторов», нанятых контрреволюционными партиями, чистки коснулись «мелкобуржуазных» шкурников, вступивших в партию ради «личного благосостояния, а не ради пролетарской борьбы и революции». Бдительный коммунист мог распознать их, несмотря на поверхностную приверженность общему делу. Этим «слабым» и «беспринципным» людям не хватало силы воли, чтобы не потакать своим прихотям и выявить умыслы врагов, которые ими произвольно манипулировали. Исключая из своих рядов эти нестойкие элементы, партия уважала и ценила тех, кто выдерживал ее проверку и прояв-

⁴⁰ *Fitzpatrick S. The Problem of Class Identity in NEP Society // Fitzpatrick S. (ed.). Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1991; Naiman. Sex in Public.*

лял «сознательность, преданность, выдержанность, политическую зрелость, революционную опытность и готовность к самопожертвованию»⁴¹, как определялась в партийной резолюции сущность коммунистической сознательности. Чистка должна была служить стимулом к тому, чтобы коммунисты могли «и здесь совершить свой “октябрь”»⁴². Они были призваны воспользоваться проверкой своей чистоты, чтобы «заглянуть в самого себя и постараться хорошей большевистской метлой изгнать из себя “мещанина” <...> Научиться понимать сейчас волю, интересы коллектива, ими определить волю и интересы моего “я” – вот первый подход к созданию нового быта»⁴³.

Субъективная сущность коммуниста, сила или слабость его характера выходили на передний план в «автобиографии», которую он зачитывал товарищам по партии в самый драматичный момент процесса чистки. Нормативный жанр автобиографии сначала появился в партийной среде, но в 1920-е годы распространился на комсомол и непартийные учреждения. Каждый советский гражданин, собиравшийся поступить в вуз или на работу в государственное учрежде-

⁴¹ Instructions for carrying out verification of party documents and purging the party membership (15.05.1921) // Koenker D., Bachman R. (eds.). *Revelations from the Russian Archives: Documents in English Translation*. Washington: Library of Congress, 1997. P. 58—61.

⁴² *Партийная этика: Документы и материалы дискуссий 20-х гг.* М.: Политиздат, 1989. С. 310.

⁴³ Там же. С. 326—327.

ние, должен был составить автобиографию. Более того, от советских граждан требовалось обновлять свои автобиографии через определенные промежутки времени. Поэтому наверняка можно предположить, что большинство взрослых советских граждан были знакомы не только с этим жанром саморепрезентации и правилами его составления, но и с основополагающим постулатом, в соответствии с которым биографии следовало переписывать по ходу развертывания революции и их собственной, субъективной политической сознательности.

Будучи кратким прозаическим рассказом о жизни конкретного коммуниста, автобиография содержала в себе данные о его образовании и профессиональных достижениях, однако ее ядром были сведения о формировании личности автора как развивающегося субъекта революционного сознания. Хотя темы и акценты этого акта публичной саморепрезентации следовали устоявшимся нормам, в автобиографии сохранялось и важное субъективное измерение, ведь люди должны были убедительно рассказать о своем пути к свету коммунизма. Отправной точкой этих рассказов о себе часто была бездна мрачного субъективизма: это позволяло лучше осветить как последующее обращение к советскому правому делу, так и внушительность пройденного пути. А убедительность, с которой кандидат мог показать, что является искренним гражданином социалистического государства, определяла шансы на его прием в Коммунистическую пар-

тию⁴⁴.

Автобиография коммуниста в 1920-е годы была актом самовыражения в форме самоотречения. Идеальный коммунист (как свидетельствует случай Фурманова) был «ретранслятором» революции и больше напоминал машину, чем романтического субъекта со стремящейся к выражению души. Действительно, деятели революции 1920-х годов часто представляли себе идеальный тип человека как человека-машину. Кинорежиссер Дзига Вертов мечтал о «совершенном электрическом человеке», сознание которого не будет подвержено воздействию хаотических психических импульсов, а станет функционировать целенаправленно и с механической точностью: «Наш путь – от ковыряющегося гражданина через поэзию машины к совершенному электрическому человеку. <...> Новый человек, освобожденный от грузности и неуклюжести, с точными и легкими движениями машины, будет благодарным объектом киносъемки»⁴⁵. Если революционная сознательность определялась как абсолютная дисциплина и способность неустанно функционировать как часть общего целого, то машина была очевидным образцом такой сознательности.

Еще одним биографическим инструментом, активно вос-

⁴⁴ *Halpin I. Terror in My Mind: Communist Autobiographies on Trial.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. 43—95.

⁴⁵ *Вертов Д. Мы (1922) // Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы.* М., 1966. С. 47.

требуемым в 1920-е годы, были воспоминания об Октябрьской революции. Если смотреть из идейно порочного нэпа, Октябрь 1917 года представлял как чистое воплощение революционного духа. Новообразованная Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт) предложила ветеранам 1917-го писать воспоминания о том, как они участвовали в осуществлении большевистской революции. Это предложение привело к стихийному наплыву других личных воспоминаний о 1917 годе, многие из которых были неграмотными и плохо написанными. Через такие нарративы участники «присваивали» революцию почти безотносительно к своей реальной роли в ней: некоторые биографические рассказы об Октябре приходили из регионов, в которых большевистского восстания в 1917 году вообще не было. Вне зависимости от своей правдивости или вымысленности эти примеры свидетельствуют о привлекательности вписывания себя в революционный нарратив⁴⁶.

Однако привлекательность как автобиографий коммунистов, так и воспоминаний о революции была ограничена фиксацией на 1917 годе как на определяющем пороге революционного сознания. В конце 1920-х, когда советская власть под руководством Сталина начала вторую революцию и вознамерилась построить новый социалистический мир, эта ограниченность была преодолена. Теперь советские дея-

⁴⁶ *Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004.*

тели провозглашали, что после Октября 1917 года революция «созрела» – и привела к выработке у ее сторонников достаточной сознательности для того, чтобы они могли сделать будущее реальностью. Советская система была сочтена достаточно прочной для того, чтобы власть приступила к окончательному разрушению прежнего классового общества и созданию бесклассового социалистического строя. Это означало, что появился вполне сознательный субъект, которому предстояло жить в бесклассовом обществе, и энергия этой вполне сформированной личности должна была подстегнуть стремление к индустриализации. Идеал сталинского государства был основан на чистой воле; в качестве основной единицы человеческого поведения оно предпочитало коллективу личность и реабилитировало личное сознание как фундамент, необходимый для реализации сознательной воли. Сталинский идеологический аппарат поощрял личные биографии, делая акцент на формировании исключительных личностей, а не на исключительных подвигах бездушных машин.

Важную роль в создании образа нового человека сталинского режима играл Максим Горький. Писатель, определенно склонный к нищезанятию, Горький надеялся, что революция станет началом создания общественного строя, который высвободит врожденную героическую сущность человека и позволит ему начать жить новой, богатой, энергичной и прекрасной жизнью. Горький, покинувший Россию в нача-

ле 1920-х годов, нанес два широко освещавшихся визита в Советский Союз в 1928 и 1929 годах, а в 1931 году вернулся в страну навсегда. Он писал, что был изумлен изменениями в психологии советских людей, которые ему довелось наблюдать. Население было «пропитано» политическими идеями, и «политическая сознательность» становится обыденным явлением. «Все стали, в сущности, моложе». Горький намеренно противопоставляет это впечатление воспоминаниям о своих дореволюционных поездках в те же места, где он наблюдал «русскую мягкотелость и душевную скорбь» и «сугубо русскую склонность к унынию»⁴⁷.

Новый человек был продуктом истории, конкретнее говоря, «всемирно-исторической» борьбы, развернутой сталинским руководством в целях создания социалистического общества. Призывая советских граждан принять участие в коллективном строительстве нового мира, руководство обращалось к их предполагаемой предрасположенности к героизму. Эта предрасположенность стимулировала энтузиазм, оптимистическую веру в себя и творческую энергию – все основные характеристики сталинского нового человека, явно противопоставлявшегося «старому человеку» буржуазного Запада – эгоисту, индивидуалисту и противнику прогресса.

Однако, как утверждал Горький, рабочие на сталинских стройках еще не вполне осознали величие своей эпохи и последствия этого величия для каждого человека. Задача

⁴⁷ Правда. 1928. 13 июня. С. 5.

литературы состояла в том, чтобы создать «увеличительное зеркало», в котором они смогут увидеть себя активными участниками созидания героической действительности⁴⁸. При поддержке Сталина Горький переориентировал всю деятельность советских писателей на формирование у новых людей социалистической сознательности, на «инженерию человеческих душ». Ссылаясь на традицию, восходившую к Чернышевскому, Горький и коммунистическое руководство призывали советских писателей создавать образцовые героические типы, в равной мере достойные и писательского, и читательского подражания. Однако в отличие от утопического романа прошлого столетия, сталинское искусство «социалистического реализма» было предназначено не для того, чтобы изображать героев будущего. Напротив, его задача заключалась в том, чтобы фиксировать поразительные поступки лучших из советских граждан, наделяя этих реальных героев богатым внутренним миром, который должен быть присущ им как «целостным личностям» социалистической эпохи. Литература должна была показать новым советским гражданам, что они обладают беспредельным творческим потенциалом, хотя сами еще не знают об этом.

Усилению внимания к героической личности как совершенному образцу нового человека сопутствовало увлечение биографическим подходом. Полномасштабная биография,

⁴⁸ Günther H. Der sozialistische Übermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart: Metzler, 1993.

описывающая путь человека, который «был никем», а «стал всем», служила наиболее осязаемым воплощением нового человека. Выступая на I съезде советских писателей в 1934 году, Борис Пастернак утверждал, что «самый высокий поэтический язык сам собой рождается в беседе с нашей современностью, современностью людей, сорвавшихся с якорей собственности и свободно реющих, плавающих и носящихся в пространстве биографически мыслимого»⁴⁹. Биография – пусть даже доведенная до пределов мыслимого – представляла собой подходящую форму для «отливки» социалистического человека; сообразно ей можно было должным образом представить и понять жизнь.

Горький активно пропагандировал советские биографии. Вернувшись в Советский Союз, он инициировал ряд биографических проектов, наиболее известным из которых стала «История фабрик и заводов», документально рассказывавшая об истории ста с лишним крупнейших предприятий страны через биографии и автобиографии их строителей. Опора этого издания на биографию как нарратив о развивающемся сознании напоминала более ранний проект коллективного воспоминания о 1917 годе, но, в отличие от этой инициативы, проект Горького был попыткой связать политическую субъективность с разворачиванием текущей истории и стимулировал каждого рабочего стать субъектом автобио-

⁴⁹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1934. С. 549.

графии. Возникало новое ощущение, что каждый участник сталинского строительства, связывая свою судьбу с судьбой трудового коллектива и преобразованиями всемирно-исторических масштабов, сам увеличивается до грандиозных, сверхчеловеческих горизонтов, становясь, по словам Горького, «Человеком с большой буквы»⁵⁰.

Наиболее заметные биографии сталинской эпохи принадлежали шахтерам-ударникам, дояркам и полярным летчикам; число таких произведений в 1930-е годы активно множилось. Подвиги этих людей были подтверждены идеологическим аппаратом, с готовностью выявлявшим акты личного героизма в доказательство претензий власти на то, что социалистическое общество уже стало реальностью. С точки зрения коммунистов, подобные уникальные достижения были возможны благодаря ликвидации капиталистических структур нэпа и созданию социалистической обстановки, позволявшей советским гражданам полностью развивать свои способности и обеспечивавшей условия, по выражению Бухарина, для «все большей наполненности творчеством, материальным достатком, культурным ростом, расширением умственного горизонта, повышением общественной активности, приобщением ко все большему количеству духовных наслаждений, чувством роста своей мощи и своей личности. *Личность* впервые возникает как массовое явление, а не как часть рабовладельческой верхушки в различных ее истори-

⁵⁰ Clark K. History of the Factories; Правда. 1928. 13 июня. С. 5.

ческих вариантах»⁵¹.

Комментируя в дневнике необыкновенные подвиги шахтера-стахановца Ивана Гудова, перевыполнившего дневную норму выработки в 45 раз, драматург Александр Афиногенов – один из многих литераторов, занятых поиском героев сталинской эпохи, – называл его «виртуозом и талантом» и продолжал: «Гудов – прообраз того социалистического таланта, который так мощно расцветает на нашей земле. Это совершенно новое качество человека, качество, рожденное социалист[ической]. структурой общества. И разве один он! Вот они – вырвавшиеся на свободу атомы человеческой энергии. Излучение их энергии – неисчерпаемо. И от этого строй, в к[отор]ом они живут, – непобедим!»⁵²

Качества, приписываемые новым людям сталинской эпохи, были по самой своей сути романтическими. Речь шла о внутренне богатых личностях, которые выражали себя в фантастических подвигах и художественное творчество которых помогало придать форму новому и прекрасному социалистическому миру. Образцы таких людей вытесняли и затмевали более ранний революционный идеал человека-машины. Если в первые годы советской власти страстный сторонник тейлоризма Алексей Гастев мечтал о «лицах без экспрессии, душе, лишенной лирики, эмоции, измеряемой не криком, не смехом, а манометром и таксометром», то стаха-

⁵¹ Бухарин Н.И. Тюремные рукописи. Т. 1. С. 61.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 3. Ед. хр. 5 (08.12.1937).

новцы овладевали технологией металла со всем жаром своего сердца. В противоположность предшествующему поколению коммунистов, воспитывавшемуся в духе аскетизма и самопожертвования, у них имелись «чувства... и страсти»⁵³.

Период «высокого сталинизма» в середине 1930-х годов стал апофеозом обращения советских революционеров к собственному Я. Если раньше главным было формирование и воспитание «широких масс», то теперь в центр была поставлена значительно более яркая и сложная концепция – личное сознание. Коммунистические деятели 1930-х призывали советских граждан выражать свою богатую внутреннюю природу, внося вклад в коллективный проект строительства идеального будущего. Сталин определял героическую выразительность как основной признак советской системы. В марте 1938 года он встретился с делегацией летчиков-полярников, которые были спасены после аварийной посадки на дрейфующую льдину. В тосте, обращенном к летчикам, Сталин заявил, что в Европе и США граждан оценивают по их денежной стоимости: «Американцы говорят, что их герой стоит 100 тыс. долларов». Наоборот, советская власть ввела новый, «советский» «способ оценки людей, не в рублях и не в долларах». Она оценивает людей по их «необыкновенному таланту и возможностям», благодаря которым они совер-

⁵³ Гастев А.К. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9—10; Problems of the Soviet Literature: Reports and Speeches at the First Soviet Writers' Congress. New York: International Publishers, 1935. P. 11.

шают не знающие примера поступки. В Советском Союзе, утверждал Сталин, есть такие же самолеты и такая же современная техника, что и на Западе, но он стоит значительно выше Запада из-за тех людей, которые в нем живут. У богатого долларами Запада нет такой валюты, в которой можно было бы оценить внутренне присущий человеку героизм. Только советская власть понимает, что сам по себе человек является «огромным капиталом». Такое внимание к героизму человека и выразительным возможностям его сознания стимулировало у советских граждан стремление работать ради советского государства, поскольку такая деятельность являлась мерой их жизни. Подобно летчикам-полярникам, попавшим в беду, советские граждане хотели «бороться и жить, бороться во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства и культуры; они хотели не умирать, а жить; жить и сокрушать врагов, жить, чтобы победить»⁵⁴.

Сталинский тост утверждал безграничные возможности, которые проистекали из уверенности, что советские граждане под руководством Коммунистической партии способны воплотить в жизнь коммунистический проект. Это ожидание было созвучно убежденности в том, что человек может своей волей подчинить весь мир ритму своих желаний. В противоположность романтической идеологии XIX века советские

⁵⁴ Кренкель Э. Четыре товарища: Дневник. Изд-во Севморпути, 1940. С. 311. Сталин произнес этот тост за жизнь через три дня после того, как распорядился казнить своего бывшего соратника Николая Бухарина.

коммунисты настаивали на том, что их идеология является идеологией *действия*. Более того, они знали, что их вера, в отличие от романтизма, основывается на научном анализе, а не мистике. Бухарин заявлял: «В наших условиях *романтизм*, прежде всего связанный с *героикой*, ориентирован во все не на метафизическое небо, а на землю, во всех ее смыслах: на победу над врагом и на победу над природой»⁵⁵.

Сталинский неоромантизм не совпадал с романтическим духом XIX века еще в одном отношении. Сила духа, приписывавшаяся героям советской эпохи, никогда не была абсолютной и не возникала сама по себе; она воспитывалась Коммунистической партией, и ее воздействующая сила приписывалась самому Сталину, говорившему о себе, что он «воспитывает каждого способного и разумного работника», как садовник «выращивает любимое плодородное дерево»⁵⁶. Как существа, способные к самовыражению, советские граждане, в отличие от Чапаева из романа Фурманова, уже не были незнательными и мягкими, как воск, – они росли и расцветали под контролем садовода-Сталина. Сталин лелеял плодовые деревья, он подстригал их стебли и ветви, обрезал побеги, которые ему представлялись вредными для упорядоченно-

⁵⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 501. См. также: Wessell P., Jr. Karl Marx, Romantic Irony and the Proletariat: The Mythopoetic Origins of Marxism. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1979.

⁵⁶ Правда. 1935. 21 янв. С. 1—5. Сталинская метафора заставляет вспомнить представление Зигмунта Баумана о тоталитарной власти как «садоводстве», см.: Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca: Cornell University Press, 1989.

го целого. Хотя историческое развитие этого садоводческого проекта требовало все больших вложений в самовыражение и личностный рост, исходный акцент на просвещенном формировании и поддержании правильного направления жизни людей путем вмешательства в нее оставался неизменным.

Как и призыв к самовыражению, сталинские репрессии тоже несли индивидуализирующий импульс. В условиях развитого социалистического строя люди уже не могли ссылаться на несовершенство социальной среды как на источник различных нарушений (на этом постулате основывалось советское право в 1920-е годы). Напротив, в сталинскую эпоху правоведы утверждали, что «отклонение от норм морали в социалистическом обществе есть проявление пережитков капитализма в сознании людей». Отныне каждый человек нес полную ответственность за свои поступки и мысли. Как указывалось в популярном учебнике психологии, «человек сам участвует в выработке своего характера и сам несет за него ответственность». В соответствии с этим взглядом индивидуальность человека могла проявляться одним из двух способов: хорошим, когда личность развивалась по образу и подобию преобразованной среды, или плохим, когда она противодействовала такому преобразованию. Таким образом, личная воля оказывалась либо революционной и творческой, либо контрреволюционной и разрушительной. Приветствуя сверхчеловеческие творческие усилия стахановцев, политический язык того времени предоставлял возможно-

сти и для наводящих ужас описаний разрушительной силы воли «вредителей», действия которых также превосходили воображение. Злая воля «врагов народа» была столь сильна, что их следовало решительно удалить из советского общества⁵⁷.

Страх, что в ряды партии затесались скрытые враги, присутствовал у партийных лидеров начиная с раннего революционного периода. Однако он значительно обострился после того, как советское руководство решило приступить к окончательному строительству социализма. С исчезновением прежних буржуазных классов пагубное воздействие среды было устранено. Отныне любая нечистота могла исходить лишь из самой личности. Нечистота, прежде выявлявшаяся по признаку классовой принадлежности, спряталась в глубины человеческой души. Нараставшая политическая паранойя 1930-х, массовое усиление подозрительности в отношении мнимых врагов народа были, кроме всего прочего, выражением кризиса, вызванного выходом из строя традиционного марксистского инструментария классового анализа при оценке личности. Поскольку нельзя было уже указать на чуждые классы, склонность к демонизации препятствий,

⁵⁷ Цит. по: *Bauer R. The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. P. 147, 149 (Бауэр, в свою очередь, цитирует книги: *Каурова И.Л. Педагогика*. М.: Учпедгиз, 1948, и *Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии*. М.: Учпедгиз, 1946); см. также: *Гройс Б. Стиль Сталин* // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 11—113; *Halfin I. Terror in My Soul*. P. 256—262.

возникавших на пути к социализму, становилась непреодолимой⁵⁸.

Вершиной реализации грандиозного проекта классификации душ по критерию чистоты была «большая чистка» 1930-х годов. Уничтожая всех лиц, признанных вредными для нового социалистического строя, террор стал оборотной стороной гуманистической сталинской программы создания общественного тела, отличающегося абсолютной чистотой духа. Подобным же образом чистка была одним из мощных приемов индивидуализации, и в этом смысле она способствовала сталинской политике субъективизации. На протяжении всего периода чисток, даже в самый ее разгар, когда ежедневно выносились тысячи приговоров, подсудимых осуждали не массово, а в индивидуальном порядке, причем государственные органы опирались на огромный массив обвинительных материалов, организованных по индивидуальным делам. Объем ресурсов и усилий, которые вкладывало государство в этот процесс (например, обеспечение сле-

⁵⁸ *Bauer R. New Man in Soviet Psychology. P. 47; Halfin I. Terror in My Soul. P. 33—38.* Говоря о сути убеждений той или иной личности, большевики в 1930-е годы часто употребляли слово «душа» (например, «*кулацкая душа бухаринско-рыковской группы* не выдержала, и сторонники этой группы стали выступать уже открыто в защиту кулачества» – Краткий курс истории ВКП(б). М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1945. С. 280). Душа представляла собой психическое сочетание характера и направленности личности. Такое эссенциалистское понимание личности существенно отличалось от интерпретаций 1920-х годов, в рамках которых личность рассматривалась как совокупность физиологических рефлексов, вызванных стимулами общественной и физической среды.

дователей НКВД секретарями, круглосуточно, документ за документом, печатавшими личные признания), не может не выглядеть гротескно, если считать все это лишь маскировкой кампании произвольного государственного террора. Однако чистка покажется менее гротескной, если рассматривать ее как широкомасштабный проект классификации, задуманный как средство получения неопровержимых истин о состоянии отдельных личностей⁵⁹

⁵⁹ *Holquist P.* State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // *Weiner A.* (ed.). *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework.* Stanford: Stanford University Press, 2003.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.